

ТЕОРІЯ ТА ІСТОРІЯ ДЕРЖАВИ І ПРАВА; ІСТОРІЯ ПОЛІТИЧНИХ І ПРАВОВИХ УЧЕНЬ

А. А. Демичев
*доктор юридических наук,
 кандидат исторических наук, профессор,
 профессор кафедры гражданского права и процесса
 Нижегородской академии МВД России
 (г. Нижний Новгород, Российская Федерация)*

УДК 340.154

ПОНЯТИЯ «ЗАКОН» И «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В РОССИЙСКОМ ПРАВОСОЗНАНИИ XVIII — НАЧАЛА XX В.

На основе изучения комплекса исторических анекдотов реконструируется восприятие населением Российской империи понятий «закон» и «справедливость». Анализируются такие черты российского правосознания как монархический характер, отношение к воровству как элементу повседневной жизни; рассматриваются изменения, произошедшие в правосознании, после судебной реформы 1864 г.

Ключевые слова: правосознание, закон, справедливость, суд, анекдот.

Составляющей частью менталитета является правосознание, включающее правовые знания и представления, а также отношение к праву, закону, суду и справедливости, характерные для того или общества в определенные конкретно-исторические периоды. Одним из источников изучения правосознания и менталитета в целом является фольклор.

Важной особенностью фольклора (а в данной статье будут использованы такие его жанры как пословицы, поговорки и, в большей степени, анекдоты) является то, что он всегда был мало подконтролен власти, в какой-то мере оппозиционен ей, отражал действительность в том виде, какой она представлялась простому населению, а не государственным идеологам. Названные источники в «чистом», нескорректированном виде отражают особенности правосознания и ментальности словес населения, среди которых возникли и функционировали. Опираясь, в первую очередь, на исторические анекдоты, мы в данной статье попытаемся проанализировать, какова была динамика категорий «закон» и «справедливость» в российском менталитете XVIII — начала XX в.

Пословицы, поговорки и анекдоты не обладают серьезной фактографической ценностью, однако в них содержится информация аксиологического характера, позволяющая установить отношение общества в целом и отдельных его социальных слоев к различным сферам и явлениям социального бытия, в том числе к власти и

правосудию.

В середине XIX в. имели место изменения не только в менталитете населения, связанные с «Великими реформами» Александра II, но и в источниковом комплексе, их отражающем. Если с глубокой древности до середины XIX в. в плане выявления отношения населения к судебной власти доминировали пословицы и поговорки, то после 1864 г. ведущая роль принадлежит анекдоту. Отметим, что поговорки и пословицы как фольклорные жанры не исчезли после 1864 г., а успешно продолжают развиваться и в наше время, однако их информативность в интересующем нас аспекте практически равна нулю, так как пословицы и поговорки, где фигурируют суды и судьи, были созданы в дореформенный период.

Что касается анекдота, то впервые он появился в России в начале XVIII в., но до середины XIX в., когда возникает анекдот в его современном понимании (как короткий смешной рассказ с остроумной концовкой) собственно юридических анекдотов практически не было. Анекдоты юридической тематики существовали и до 1864 г. При этом они были, скорее, явлением историографии, нежели фольклора, представляя собой описание различных реальных или вымыщленных эпизодов из жизни известных исторических персонажей: императоров, их окружения, высокопоставленных чиновников, писателей, художников и других знаменитых людей.

Приведем наиболее характерные пословицы и поговорки, отражающие отношение к суду и судьям:

В суд ногой — в карман рукой.

Перед богом ставь свечку, а перед судьей — мешок!

С кого судья взял, тот и прав стал.

Когда судью подаришь, то всех победишь.

Дари судью, так не посадят в тюрьму.

Дарами и праведного судью к неправде приведешь.

Мздою, что уздою, обратишь судью в твою волю.

Перед судом все равны: все без окупа виноваты.

Судьи за деньги страх Божий забыли — стараются, чтобы виноватые правы были.

Утиного зоба не накормишь, судейского кармана не наполнишь.

Скорее дело вершишь, коли судью подаришь.

С сильным не борись, с богатым не тяжись.

В суде убогий с богатым, хоть и прав, бывает виноватым.

Суд, что паутина: шмелъ проскочит, а муха вязнет [1, с. 25-26].

Анализ юридических поговорок и пословиц приводит к выводу, что судебная система России не только не являлась средством установления справедливости в обществе, механизмом, регулирующим на основе закона отношения между различными социальными слоями, но, напротив, вела к усугублению конфликта между различными субъектами общественных отношений. Все судьи представляются взяточниками, готовыми за мзду вынести любой приговор. В споре богатого и бедного, знатного и простолюдина у бедного и простого человека нет никаких шансов на справедливое разрешение дела.

Таким образом, из приведенных поговорок и пословиц со всей очевидностью вытекает негативное отношение к судьям и суду как организации в целом.

Полагаем, что это обусловливалось сложностью дореформенной судебной системы, ее сословным характером, господствовавшим инквизиционным процессом и теорией формальных доказательств, формализмом и канцелярской тайной, волокитой, отсутствием гласности и публичности, ограниченностью доступа населения к правосудию и, как следствием всего этого, царящими в российских судах взяточничеством и произволом.

Непривилегированное население стремилось, как можно меньше контактировать с представителями судебной корпорации. По этой причине на уровне фольклора судебная тематика практически не нашла отражения в таком жанре как анекдот — при боязни идти в суд, при получении в этом государственном учреждении только отрицательных эмоций, при отсутствии публичности и гласности не было и речи о широком

распространении среди населения каких-либо смешных, забавных историй на эту тему.

Тем не менее, в дореформенных анекдотах также отразились некоторые черты российской ментальности XVIII — первой половины XIX в.

Приведенные ниже анекдоты (первые 13 историй) достаточно ярко отражают такую специфическую черту российского менталитета, как вера «в доброго царя», восприятие монарха, как носителя высшей справедливости и последней инстанции в разрешении споров и конфликтов.

№ 1

Стольник Желябужский впал в такое преступление, которое, по справедливости, заслужило публичное наказание и ссылку, к чему воинским судом он был приговорен, и приговор тот утвержден государем [Петром I]. Сын его, человек молодой и видный, узнавший о таком приговоре, при выходе государя из дворца пал к стопам его и со слезами возопил:

— Государь, надежда наша! Не дерзаю умолять тебя, меньшее же негодовать на приговор, учиненный судом отцу моему, — зная, что оный правосуден, а прошу только из единого милосердия твоего: преступление отца и заслуженное им наказание перенести на меня. Он, при старости и слабости своей, наказания твоего перенести не может, а я, по молодости и крепости своей, удобно снесу и заплачу тем за рождение свое. И таким образом, без нарушения правосудия твоего, спасу и мать мою, которая не может перенести столь горестного лишения мужа, малолетних же братьев и сестер избавлю от несносного сиротства и бесчестья всего нашего рода.

Государь, чувствительно тронутый таковою сыновней нежностью, поднял его и, поцеловав, сказал:

— За рождение такого сына, как ты, прощаю твоего отца и возвращаю его семейству, а тебя жалую чином и местом его, надеясь, что исполнишь должность лучше, нежели отец твой [2, с. 18].

В анекдоте № 1 засвидетельствован факт обращения напрямую к императору как последней судебной инстанции. Причем обращение здесь идет не просто как к высшему лицу государства, а как к «доброму царю». Любопытно, что сын просит не освободить отца от наказания, а предлагает себя взамен него. И Петр I ведет себя в данной ситуации вовсе не в соответствии с требованиями закона, а отвечая ожиданиям просителя и окружающих от него «милостивого» справедливого поступка.

Совершенно не важно, имел ли на самом деле место факт, послуживший фабулой анекдота, однако он весьма показателен в плане выявления особенностей ментальности населения России, в среде которого ходили истории подобного рода.

Следует отметить, что нет ничего удивительного в том, что можно было напрямую обратиться к монарху со своей просьбой. С одной стороны, здесь проявляются пережитки чуть ли не времен военной демократии, с другой — в России проводилась целенаправленная политика, целью которой было приближение власти к народу; сохранялась традиция непосредственного участия монарха в решении не только общегосударственных вопросов, но и проблем индивидуального характера.

Наконец, в России исторически сложилось недоверие к суду. Подтверждением этому служит приведенный ранее пласт народных пословиц и поговорок. Как мы уже говорили ранее, судя по пословицам и поговоркам, у простого человека не было в суде шансов выиграть дело, поэтому нет ничего удивительного, что для справедливого суда нужно обращаться только к самому царю-батюшке.

Естественно, непосредственно обратиться к императору или императрице было не так просто по многим причинам. В том числе, и законодательного характера. Так, в 1699 г. вышел указ Петра I, разрешавший подачу челобитных напрямую царю, только если спорное дело уже было рассмотрено судом и его решение не удовлетворило челобитчика [3, № 1707]. В следующем, 1700 г., был издан указ, подтверждающий указ 1699 г., и запрещающий обращаться непосредственно к царю, минуя местные органы [3, № 1748].

Несмотря на эти законодательные ограничения, жалобы лично в руки монарху

подавались и в более позднее время.

Анализируя анекдот № 1, мы обратили внимание, что от наказания был освобожден действительно виновный человек, приговоренный судом. Подобная ситуация вырисовывается и при знакомстве с анекдотом № 2.

№ 2

В каком-то губернском городе император [Николай I] посетил острог. Опросив арестантов, довольны ли они содержанием и не терпят ли обид, государь полюбопытствовал знать о причинах их заключения.

— Ты за что содержишься? — спросил он одного.

— Безвинно, Ваше царское величество, — завопил арестант, валяясь на колена, — по наговору. Значит, церкву разграбили, да и пономаря пристукнули... Я-то знать не знаю, и ведать не ведаю, а мужики и хватились за меня...

— Ты за что? — спросил государь второго.

— Тоже по наговору, Ваше императорское величество. Коробочника подле деревни зарезали и ограбили, а я и сном-духом не виноват.

— Ты? — обратился государь к третьему.

— По злобе, Ваше величество. Сосед целую пачку фальшивых ассигнаций мне подбросил, а на чердак занес какие-то печатные камни ... А я, как есть — чист.

В том же роде последовали ответы остальных арестантов: все,казалось, сидели невинно. Только один на вопрос: «Ты, удалая головушка, конечно, тоже по наговору?» — отвечал:

— Никак нет, Ваше императорское величество, я сижу поделом: у купца лошадку украл.

— Лошадку украл? — переспросил государь с улыбкою.

И обратившись к губернатору, сказал:

— Сию же минуту выпустить этого негодяя на все четыре стороны. Здесь все честные люди сидят и между ними одному негодяю нет места, а то он всех развертит! [4, с. 139-140]

На сей раз уже Николай I освобождает виновного в совершении преступления. Здесь хотя заключенный и не просит освободить его, более того, признается в краже, император вновь выступает в качестве некоего царя-батюшки, снисходительного к своим детям-подданным.

История эта, с одной стороны, поучительна (не лги, говори правду и будешь вознагражден!), с другой — произвела, судя по всему, сильное впечатление на окружающих, стала элементом фольклора и способствовала формированию положительного, как бы сейчас сказали, имиджа монарха в глазах населения.

Кроме того, в российском менталитете понятия «закон» и «справедливость» далеко не всегда совпадали. И показательным является то, что, выходя за рамки закона, правитель государства представлялся народу более справедливым.

Вообще, все слои населения ждали от монарха милостей. И эти «милости» периодически раздавались. В одних случаях они носили спонтанный персонифицированный характер (анекдоты № 1 и 2), в других — «приурочивались» к какому-либо важному событию (анекдоты № 3 и 4).

№ 3

При восшествии императора Александра [I] на престол все лица, заключенные в предшествовавшее царствование в Петропавловскую крепость, были освобождены. Один из арестантов, оставляя каземат, надписал над дверями: «Свободен от постоя». Об этом донесли государю. Он улыбнулся и заметил, что следовало бы прибавить к надписи слово: «навсегда» [2, с. 51].

Показательно, что, массово амнистируя заключенных Петропавловской крепости, Александр I не дает им абсолютной индульгенции. Хотя он и говорит с улыбкой, что «следовало бы прибавить к надписи слово: «навсегда», тем не менее, царь вполне серьезен. И слушателям анекдота это понятно. Весь справедливый правитель должен быть не только добрым, но строгим.

№ 4

Известно, что день бракосочетания Великого князя Александра Павловича, именно 3-го декабря 1793 года, ознаменован был многими монаршими милостями, в том числе и наградами чиновников по различным ведомствам. Между последними судье киевского совместного суда, коллежскому советнику Полетике был пожалован орден св. Владимира, но в рескрипте ему о том, вместо «коллежский», он поименован «статским советником». Получив этот рескрипт, Полетика представил его в губернское правление и требовал объявить ему по установленному порядку сей чин. Не имея указа от Сената о пожаловании Полетики в статские советники, губернское правление затруднялось в исполнении его требования и вошло с представлением в Сенат, испрашивая на это разрешения. Когда, наконец, обстоятельство это через генерал-прокурора представлено было на рассмотрение императрицы, с означением именно того, что Полетика наименован в рескрипте статским советником по ошибке, Государыня [Екатерина II] сказала:

— Государи не ошибаются, и ошибки их должны приниматься за истину [5, с. 17-18].

В данном анекдоте зафиксировался один из курьезных случаев, связанных с достаточно часто имевшимися место ошибками в делопроизводстве. Однако здесь интересен другой момент: Екатерина II заявляет, что государи не могут ошибаться.

Стоит ли расценивать высказывание императрицы как ее жизненное кредо? Анекдот № 5 свидетельствует — нет!

№ 5

Екатерина [II] подарила одной из придворных дам, госпоже Верр, десять тысяч рублей на покупку дома. Покупая дом, Верр совершила купчую крепость на общее имя с своим мужем. Когда последний умер, наследники его отыскали себе (за выделом указанной части) половину дома, и Сенат утвердил их право. Императрица, основываясь на том, что деньги были подарены жене, нашла это решение несправедливым и поручила генерал-рекетмейстеру Маслову рассмотреть дело.

Через несколько времени Маслов доложил государыне, что сенатское постановление правильно и сообразно с уставами.

— Так уставы те глупы и смешны, — сказала она.

— Ваше Величество имеет власть их переменить — возразил Маслов, — но до сих пор никто иначе не должен поступать.

— Напишите указ, чтобы весь дом принадлежал вдове, — отвечала императрица, — я этого хочу!

— Но, государыня, этим нарушится правосудие и право собственности, — заметил Маслов.

— Прошу не рассуждать! — крикнула императрица с гневом.

Маслов замолчал, собрал бумаги, поклонился и ушел.

На другой день, явясь с докладом, Маслов подал императрице две бумаги, сказав:

— Вот, Ваше Величество, два указа по делу Верр, один согласный с вашей волей, а другой — с законами.

Екатерина молча взяла бумаги и положила их в стол; затем, выслушав и разрешив остальные доклады Маслова, ласково и милостиво поговорила с ним и отпустила домой.

В тот же вечер Сенат получил подписанным тот указ, который соответствовал представлению Маслова, а, следовательно, и справедливости [5, с. 12-13].

В анекдоте № 5 мы видим некоторые метания Екатерины II — она осознает, что стоит выше закона, но, в то же время, хотя и после долгих раздумий, не идет на его нарушение или изменение.

Кстати, если в анекдотах № 1 и 2 нарушение закона монархом являлось, в какой-то мере, проявлением его справедливости, то в анекдоте № 5, напротив, именно следование закону, и есть воплощение справедливости.

Позиция, что законы выше царей очень четко и абсолютно однозначно

прослеживается в анекдоте № 6.

№ 6

В бытность императора Александра I в Перми в сентябре 1824 года к нему подошла какая-то помещица, сосланная сюда за жестокое обращение со своими крепостными. Она о чем-то просила государя.

- Государь! Вы все можете сделать.
- Не могу — законы не позволяют.
- Закон во власти царей.
- Нет, сударыня, законы выше царей, — возразил монарх [6, с. 55].

Монарх может отступить от закона, если речь идет о «милостях», но не может нарушить закон, если в результате этого пострадают другие люди.

Самой серьезной категорией преступлений в дореволюционной России являлись преступления государственные. В их число входили и дела об оскорблении Императорского Величества. За их совершение по закону полагались каторжные работы.

Судя по дошедшим до нас анекдотам, результат рассмотрения такого рода дел разными российскими правителями был одним — виновные оставались безнаказанными (анекдоты № 7, 8, 9). Конечно, в реальности все обстояло далеко не так. Однако именно в народном сознании монарх оказывался выше оскорблений, нанесенных ему «неразумными» подданными.

№ 7

Рылеев, тогдашний с-петербургский обер-полицеймейстер, по окончании своего доклада о делах доносил императрице [Екатерине II], что он перехватил бумагу, в которой один молодой человек поменял имя Ее Величества.

- Подайте мне бумагу, — говорит она.
- Не могу, государыня, в ней такие выражения, которые и меня приводят в краску.
- Подайте, говорю я, — чего не может читать женщина, должна читать императрица.

Развернула, читает бумагу; румянец выступает на ее лице, она ходит по зале, и гнев ее постепенно разгорается.

— Меня ли, ничтожный, дерзает так оскорблять? Разве он не знает, что его ждет, если я предам его власти законов?

Она продолжает ходить и говорить подобным образом, наконец, утихла. Рылеев осмелился прервать молчание.

- Какое будет решение Вашего Величества?
- Вот мое решение! — сказала она, и бросила бумаги в огонь [5, с. 13-14].

№ 8

Однажды министр юстиции И. И. Дмитриев, явясь с докладом к императору Александру [I], представил ему дело об оскорблении величества. Государь, отстранив рукою бумаги, сказал:

— Ведь ты знаешь, Иван Иванович, что я этого рода дела никогда не слушаю. Простить, и кончено. Что же над ними терять время.

— Государь, — отвечал Дмитриев, — в этом деле есть обстоятельства довольно важные, дозвольте хоть их доложить отдельно.

Александр, помолчав и подумав немного, возразил:

— Нет, Иван Иванович, чем важнее такого рода дела, тем меньше хочу их знать. Тебя это, может быть, удивляет, но я тебе объясню. Может случитьсяся, что я как император все-таки прошу, но как человек буду сохранять злобу, а я этого не хочу. Даже при таких делах впредь не говори мне никогда и имени оскорбителя, а говори просто: «Дело об оскорблении величества», потому что я, хотя и прошу, хотя и не буду сохранять злобы, но буду помнить его имя, а это нехорошо [5, с. 76-77].

№ 9

Однажды императору [Николаю I] доложили, что в каком-то городе, в питейном доме, сапожник Яков Пахомов, будучи пьяным, чуть ли не до беспамятства, совершил

тяжелое преступление, плюнув на портрет государя, причем разразился страшной бранью по адресу Его Величества.

За такое оскорбление величества по закону полагалось очень суровое наказание, но о каждом подобном случае, еще со времени Петра Великого доводилось до сведения государя.

В докладе было помянуто, что преступник арестован и содержится в секретной канцелярии с кандалами на руках и ногах.

Николай написал следующее решение: «Освободить его немедленно и сказать ему, что, как он плюет на мой портрет, так я плюю на пьяницу Яшику Пахомова, да советую ему поменьше пьянствовать, потому что сделай он это же с портретом своего станового или городничего, ему это так дешево не обошлось бы» [6, с. 38].

И Екатерина II, и Александр I, и Николай I оставляют виновных в их оскорблении безнаказанными. Реакция у них разная: Екатерина бросает документ в огонь, Николай показывает свое пренебрежение к оскорбившему его сапожнику, Александр аргументирует свое решение тем, что как человеку ему обидны оскорблении, но как император он должен их простить, поэтому и не хочет знать ничего о подобного рода делах.

И все же не только из-за снисхождения к преступникам и раздачи «милостей» в народном сознании сформировался образ монарха как носителя высшей справедливости. В первую очередь, это произошло из-за того, что, порой, правитель сам рассматривал челобитные от населения и сложные дела и, разобравшись, выносил по ним правильные решения.

№ 10

В один из торжественных дней, в которые Екатерина [II] всенощно приносila в Казанском соборе моление и благодарение Богу, небогатая дворянка, упавши на колени перед образом Божьей Матери, повергла перед ним бумагу. Императрица, удивленная таким необыкновенным действием, приказывает подать себе эту бумагу и что же видит? Жалобу Пресвятой Деве на несправедливое решение тяжбы, утвержденное Екатериной, которое повергает просительницу в совершенную бедность. «Владычица, — говорит она в своей жалобе, — просвети и вразуми благородную нашу Монархиню, да судить суд правый». Екатерина приказывает просительнице через три дня явиться к ней во дворец. Между тем требует из Сената ее дело и прочитывает его с великим вниманием.

Прошли три дня. Дама, принесшая жалобу, Царице небесной на царицу земную, является; ее вводят в кабинет; с трепетом приближается она к императрице.

— Вы правы, — говорит Екатерина, — я виновата, простите меня; один Бог совершенен; и я ведь человек, но я поправлю мою ошибку. Имение ваше вам возвращается, а это (вручая ей драгоценный подарок) примите от меня и не помните огорчений вам нанесенных [5, с. 22-23].

Просительница в данном случае не отваживается на прямую подачу жалобы самой императрицы, однако своеобразной хитростью привлекает ее внимание. В результате жалоба не только удовлетворена, но Екатерина II извиняется перед женщиной и дарит ей подарок.

Извиняется Екатерина за несправедливый суд и в анекдоте № 11.

№ 11

Сибирский генерал-губернатор Якоби был невинно оклеветан. В конечном итоге дело рассматривал Сенат, и был произнесен обвинительный приговор.

Но по тогдашнему порядку предварительно представлялась императрице [Екатерине II] докладная записка, то есть краткое изложение всего дела. Державин, один из статс-секретарей того времени, представляет императрице выписку из дела на 300 листах; она просит сократить ее; представляет ее на 30 листах; она просит еще сократить. Врученную ей на 3-х листах прочла и сказала:

— Нет, все что-то не ясно, истина запутана. Привезите мне все дело.

Дело привезено и поставлено во дворце в одной из внутренних комнат императрицы и задернуто занавескою. Когда Государыня спросила:

— Да где же дело Якоби?

Державин дернул занавеску, и кипы бумаг, накладенные одна на другую, в три ряда с полу до потолка, открылись. Государыня, окинув их глазами, сказала:

— Этим не испугаешь меня!

Она назначила один час каждый день на чтение этого дела. Одному только Державину доверила она делать выписки из некоторых бумаг. Так, говорят, прошел целый год.

Наконец, Якоби потребовали во дворец; его вводят в кабинет императрицы.

— Я рассмотрела ваше дело, — говорит она, — и за счастье почитаю вам сказать: вы невиновны.

Слезы брызнули из глаз Якоби.

— В вознаграждении за долгое ваше страдание справедливым почитаю возложить на вас орден (на золотом блюде лежал орден Св. Владимира).

Якоби, рыдая, упал на колени:

— Правосуднейшая монархия! Вы возвращаете мне честь мою и невинность: другой награды мне ненадобно.

— Встань. Якоби, не тебе стоять на коленях, твои судьи должны бы перед всей Россиею просить у тебя прощения [5, с. 20-22].

Екатерина II заставила себя заняться сложным и запутанным делом, потратила много времени. В результате пришла к выводу, что Якоби невинован и нашла в себе силы извиниться за судей, а также наградила орденом. Кстати, последнее вряд ли можно считать справедливым, ведь ордена должны даваться за заслуги, а не пострадавшим за судебные ошибки.

Не найдя справедливости в других инстанциях даже простые солдаты отваживались обратиться к самой императрице (анекдот № 12).

№ 12

Заслуженный солдат, наицелейший удобный случай, когда императрица [Екатерина II], выходила из кареты, стал перед нею на колени с бумагою в руке.

Бумага принята и прочитана. Это была тайная жалоба целого полка, стоящего в Малороссии, на полкового командира, кн. Г., что он не выдает жалований, от чего солдаты терпят крайнюю нужду, что они выбрали единодушно лучшего из своих товарищей, унтер-офицера, чтобы он довел их горе до Матушки их правосудной Государыни.

Императрица приказала графу Захару Григорьевичу Чернышеву тайно разведать, точно ли жалоба справедлива, и хорошо содержать присланного.

Чернышев поместил его в своем доме и производил розыски. Между тем родные кн. Г., узнав о его беде, всячески умоляли гр. Чернышева спасти его. Дело тянулось долго, и, наконец,казалось как бы забытым. Через несколько месяцев гр. Чернышев, чтобы солдат, живший в его доме, не напоминал о деле и не попался бы когда-нибудь на глаза императрице, отправил его на службу в один из сибирских полков, да и сам перестал думать и забыл об этом деле.

Но не забыла Екатерина.

— Что же, граф, — спросила она однажды Чернышева, — собраны ли сведения по жалобе полка?

— Нет, Ваше Величество, еще не получено полных и верных.

— А присланный от полка?

— Живет, Государыня, у меня в доме во всем довольстве. Ему идет и вино, и пиво; обед посылаю ему с моего стола.

— Захар! — грозно сказала императрица, — ты лжешь! Ты обманываешь меня! Я знаю все. Слушай же, Захар, начальника полка сменить и предать суду, присланного немедленно возвратить в Петербург.

Полку было возвращено все законное; присланный унтер-офицер был пожалован в офицеры и возвратился в свой полк, благословляя имя Государыни [5, с. 15-17].

Снова благодаря внимательности и настойчивости монархии справедливость

восторжествовала. Несмотря на противодействие придворных, командир полка был наказан, а солдаты получили жалование.

Следующий анекдот (анекдот № 13) в своем роде уникален. Дело в том, что главным действующим лицом в нем является Павел I. Традиционно в историографии к персоне этого императора отношение, скорее, негативное, отмечается, что его мало кто любил в России. Однако нижеприведенный анекдот несколько по-иному позволяет взглянуть на образ Павла в российском общественном сознании.

№ 13

Петербургский генерал-губернатор Архаров несколько лет был должен одному купцу двенадцать тысяч рублей. Все старания купца получить долг остались тщетными. Архаров кормил его сперва завтраками, потом стал вытапливать в шею и, наконец, избил жестоким образом. Несмотря на то, что Архаров пользовался особым расположением императора Павла, купец решился жаловаться на него государю и, выбрав время, когда император находился на разводе вместе с Архаровым, подал первому члобитную прямо в руки.

Павел взял члобитную, развернул ее и, разумеется, с первых же строк увидел, что дело идет о его любимце. Он тотчас подозвал Архарова и, подавая ему бумагу, ласково сказал:

— Что-то у меня глаза слипаются и словно запорошены, так что я прочитать не могу. Пожалуйста, Николай Петрович, прими на себя труд и прочти мне эту бумагу.

Архаров принял бумагу и начал бойко читать ее, но, увидев, что это жалоба на него самого, смущился, стал запинаться и читал так тихо, что едва было слышно.

— Читай, читай громче, — заметил Государь, — я сегодня и слышу как-то нехорошо.

Архаров возвысил голос, однако не более как так, чтобы слышал один Государь.

Но Павел этим не удовлетворился. Он велел читать так громко и с такими расстановками, чтобы окружающие могли ясно все слышать.

Делать было нечего. Архаров с замирающим сердцем прочитал члобитную внятно и во весь голос.

— Что это? — спросил император по окончании чтения, — это не тебя, Николай Петрович?

— Так точно, Ваше Величество, — отвечал смущенный Архаров.

— Да неужели это правда?

— Виноват, Государь.

— Но неужели и то все правда, что этого купца за его же добро, вместо благодарности, не только взашей вытолкали, но даже и били?

— Что делать! — сказал Архаров, покрасневший до ушей, — должен и в том признаться, Государь, что виноват! Обстоятельства мои меня к тому принудили. Однако я в угодность Вашему Величеству сегодня же его удовольствую и денег ему заплачу.

Такое чистосердечное признание смягчило Государя, и он ограничился тем, что, обратившись к купцу, сказал ему:

— Ну, хорошо! Когда так, то вот слышишь, мой друг, что деньги тебе сегодня же заплатятся. Поди себе. Однако, когда получишь, то не оставь прийти ко мне и сказать, чтобы я знал, что сие исполнено.

Таким образом, Архаров был лишен всякой возможности отделаться от своего долга [5, с. 58-60].

Итак, мы видим, что Павел не просто справедливо решает дело в пользу обиженного своим любимцем Архаровым купца, но и предпринимает реальные меры, чтобы деньги действительно были возвращены. При этом император проявляет сообразительность и остроумие, ставя Архарова в воспитательных целях в неловкое положение. Таким образом, и Павел I, наряду с другими российскими правителями воспринимался населением в качестве носителя высшей справедливости, «доброго царя».

Перейдем к реконструкции других особенностей российского правосознания XVIII — первой половины XIX в.

Когда знаменитого российского историка и литератора Н. М. Карамзина спросили: «Как Вы можете охарактеризовать положение дел в России?», он ответил одно единственное слово: «Воруют».

Воровство, в том числе и в государственных масштабах, конечно, не является «привилегией» россиян, однако в нашей стране исторически сложилось весьма специфическое отношение к этому преступному деянию. Кража уже в течение многих веков стала обыденным явлением, своеобразным элементом повседневной жизни. Именно в этом отношении и состоит одно из отличий российского менталитета от менталитета населения других стран.

Попробуем на основе изучения дореволюционного анекдота выявить отношение российских правителей (а также рассказчиков и слушателей анекдотов) XVIII — первой половины XIX в. к такому явлению жизни, как воровство.

№ 14

Государь [Петр I], заседая однажды в Сенате и слушая дела о различных воровствах, за несколько дней до того случившихся, в гневе своем клялся пресечь оные и тотчас сказал тогдашнему генерал-прокурору Павлу Ивановичу Ягужинскому: «Сейчас напиши от моего имени указ во все государство такого содержания: что если кто и настолько украдет, что можно купить веревку, тот без дальнейшего следствия повешен будет». Генерал-прокурор, выслушав строгое повеление, взялся было уже за перо, но несколько поудержавшись, отвечал монарху: «Подумайте, Ваше Величество, какие следствия будет иметь такой указ?» — «Пиши, — прервал государь, — что я тебе приказал». Ягужинский все еще не писал и, наконец, с улыбкой сказал монарху: «Всемилостивейший государь! Неужели ты хочешь остаться императором один, без служителей и подданных? Все мы воруем, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой». Государь, погруженный в свои мысли, услышав такой забавный ответ, рассмеялся и замолчал [7, с. 568].

Анекдот № 14 свидетельствует, что в эпоху Петровских преобразований воровство не только имело место, но с ним пытались активно бороться, в том числе и на высшем государственном уровне. Петр I лично «слушал» дела такого рода в Сенате, и они вызывали у него справедливое негодование. Импульсивный правитель тут же требует ввести жесткие меры по отношению к ворам (вешать всех, кто украдет на сумму больше стоимости веревки). Однако более реалистично мыслящий генерал-прокурор П. И. Ягужинский в шутливой форме переубеждает царя, говоря: «Неужели ты хочешь остаться императором один, без служителей и подданных? Все мы воруем, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой». А ведь, по сути, из уст высокого сановника прозвучало, конечно, не собственное признание в кражах, но констатация факта массового воровства среди чиновничества.

И каков же в итоге получился результат праведного порыва правителя? Никакой! Петр I принял аргументы генерал-прокурора, рассмеялся, замолчал и больше неставил вопрос подобным образом, борясь в дальнейшем с отдельными преступниками, но не системой в целом.

В период правления Екатерины II воровство имело место даже в царском дворце. Причем воровали и придворные, и прислуга. Императрица об этом знала, но ничего не могла сделать.

№ 15

Гуляя по саду, императрица [Екатерина II] заметила, что лакеи несут из дворца на фарфоровых блюдах персики, ананасы и виноград. Чтобы не встречаться с ними, Екатерина повернула в сторону, сказав окружающим:

— Хоть бы блюда мне оставили! [8, с. 157].

№ 16

Екатерина [II] знала, что низшие чины и вся придворная прислуга пользовались непозволительно поживою, особенно в съестном и напитках. Она даже нередко выдала

своими глазами, во время утренних прогулок, как служители ее тащили из дворца огромные подносы, нагруженные всякой всячиной, и однажды сказала М. С. Перекусихиной:

— Хоть бы фарфор мой сберегли!

А в другой раз, столкнувшись, так сказать, с этими подносами, сказала несшим их:

— Ну, беда вам будет, если увидит это Торсуков [гофмаршал]!

— Ступ еще, матушка-государыня! — был их ответ [5, с. 41-42].

Аnekdotы № 15 и 16 основываются на одних и тех же, по-видимому, многочисленных, фактах.

Для нас представляет интерес реакция Екатерины. Императрица не пытает гневом, не пытается наказать виновных, хотя факт воровства ей очень неприятен (не зря она сворачивает в сторону, не желая встречаться с этими людьми!). Возможно, над ней довел сформировавшийся образ доброй Матушки-императрицы (кроме того, как-никак, она — женщина), но, скорее всего, ее мягкость и спокойное, с юмором, отношение к происходящему обусловливались бессилием что-либо изменить.

№ 17

Смотря в окно из Эрмитажа, Екатерина [II] заметила, что из кухни отважные шалуны раннею порою нагружали на телегу съестные припасы, надеясь, что в такое время шалость сойдет им с рук. У русских государей глаза зоркие, а сердца милосердные.

Екатерина тотчас послала сказать: «Съезжайте скорее, а то гофмаршал увидит, то вам худо будет».

Такой урок стоит наказания [9, с. 25].

В анекдоте № 17, также как и в анекдоте № 16, мы вновь сталкиваемся с констатацией своеобразной заботы Екатерины о подданных («Ну, беда вам будет, если увидит это Торсуков [гофмаршал]!», «Съезжайте скорее, а то гофмаршал увидит, то вам худо будет»). Такое отношение можно рассматривать не только как попустительство, но и как потакание воровству. Екатерина рассматривала воровство из своего дворца как «шалость», а воришек — как «шалунов».

Очень показательно в данном анекдоте отношение его рассказчиков к реакции императрицы на происходящее: «У русских государей глаза зоркие, а сердца милосердные». Другими словами, Екатерина должна была укладываться и укладывалась в эту концепцию восприятия ее подданными.

Сюжет со «злым» обер-гофмаршалом и «доброй» императрицей вновь повторяется в анекдотах № 18 и 19.

№ 18

Однажды в Царском селе императрица [Екатерина II], проснувшись ранее обычного, вышла на дворцовую галерею подышать свежим воздухом, и увидела у подъезда нескольких придворных служителей, которые поспешно нагружали телегу казенными съестными припасами. Екатерина долго смотрела на эту работу, не замечаемая служителями, наконец, крикнула, чтобы кто-нибудь из них подошел к ней. Воры оторопели и не знали, что делать. Императрица повторила зов, и тогда один из служителей явился к ней в величайшем стыдении и страхе.

— Что вы делаете? — спросила Екатерина. — Вы, кажется, нагружаете вашу телегу казенными припасами?

— Виноваты, Ваше Величество, — отвечал служитель, падая перед ней в ноги.

— Чтобы это было в последний раз, — сказала Императрица, — а теперь уезжайте скорее, иначе вас увидит обер-гофмаршал, и вам жестоко достанется от него [10, с. 14].

Стоит отметить, что не во всех случаях Екатерина игнорировала происходящие кражи. Так, в приведенном выше анекдоте она не выдерживает и требует ответа от воров. Однако, несмотря на «Чтобы это было в последний раз!», преступники уходят безнаказанными, более того, — с воспоминанием о доброй правительнице и осознанием, что воровать можно и дальше.

Подобное ощущение складывается и при прочтении анекдота № 19.

№ 19

На звон колокольчика Екатерины [II] никто не явился из ее прислуги. Она идет из кабинета в уборную и далее, и, наконец, в одной из задних комнат видит, что истопник усердно увязывает толстый узел. Увидев императрицу, он оробел и упал на колени.

- Что такое? — спросила она.
- Простите меня, Ваше Величество.
- Да что же такое ты сделал?
- Да вот, матушка-государыня, чемодан-то набил всяким добром из дворца Вашего Величества. Тут есть и жаркое, и пирожные, несколько бутылок пива и несколько фунтиков конфет для моих ребятишек. Я отдежурил мою неделю и теперь отправляюсь домой.
- Да где ж ты хочешь выйти?
- Да вот здесь, по этой лестнице.
- Нет, здесь не ходи, тут встретит тебя обер-гофмаршал [Григорий Николаевич Орлов], и я боюсь, что детям твоим ничего не достанется. Возьми-ка свой узел иди за мною.

Она вывела его через залы на другую лестницу, и сама отворила дверь:

- Ну, теперь с Богом! [11, с. 69]

В приведенном выше анекдоте в очередной раз встречается сюжет о «злом» обер-гофмаршале (на сей раз уже не Торсукове, а Орлове) и «доброй» Екатерине. Кстати, ни в одной из историй гофмаршал не является действующим лицом, он лишь упоминается в качестве своеобразного пугала.

Обратим внимание, что в это раз Екатерина заходит еще дальше, чем во всех предыдущих историях: она не игнорирует воришку, не делает ему назиданий, а содействует преступнику, выводя его из дворца безопасным для него путем.

Следует отметить, что не во всех случаях Екатерина так спокойно относилась к воровству. В анекдоте № 20 мы встречаемся с несколько иной ее реакцией.

№ 20

Однажды императрица [Екатерина II], пробегая представленные ей отчеты дворских расходов, увидала в них, между прочим, что пудры для ее головы ежедневно выходит целый пуд. Она улыбнулась, и вот что сделала: на другой день по окончании туалета, вышла в приемную залу молча и поддерживая свою голову рукою — придворные дамы, ожидавшие ее в этой зале встревожились, и полагая, что это головная боль, шепнули одной фрейлине, милой и веселой, которую государыня любила, чтобы она постаралась как-нибудь развеселить ее. Эта, после разных умных и веселых приветствий, обласканная уже державною рукою безмолвной государыни, осмелилась излить свое сетование о незддоровье повелительницы всей России.

— Нет, моя милая, — сказала, наконец, императрица, — я, слава Богу, здорова, но, посуди, каково мне: ведь целый пуд пудры мне посыпали на голову.

Это был последний пуд. С этих пор он никогда не встречался в при дворных отчетах [11, с. 42-43].

Итак, Екатерина в данном случае не стала терпеть кражу. Возможно, здесь имел значение объект воровства — пудра, которая являлась важным элементом «наведения женской красоты» в то время. И здесь сыграли роль гендерные аспекты — женщина-императрица не стала мириться с посягательством на свою косметику.

В данном случае «урок» Екатерины привел к положительному результату — воровство пудры подобным способом прекратилось, но виновные опять-таки не были наказаны, и порочная система не была сломана.

Из анекдотов о Екатерине II трудно сделать вывод, переживала ли императрица из-за массового воровства, имевшего место в России в целом и в ее дворце в частности (как мы видели ранее, у Петра I реакция на воровство была резко негативная). Однако правнука Екатерины — Николая I проблема воровства в России волновала.

№ 21

Во время восточной [Крымской] войны возмущенный повсюду обнаруживавшимся хищением, государь [Николай I], в разговоре с наследником [будущим Александром II] выразился так:

- Мне кажется, что во всей России только ты да я не воруем [12, с. 624].

Как видно из анекдота № 21, Николая I волнует ситуация в стране, он искренне переживает за происходящее, но при этом ничего не может сделать и не пытается предпринять какие-то практические шаги в этом направлении.

Те же боль и бессилие звучат в словах Николая I, обращенные к немецкому художнику Ф. Крюгеру (анекдот № 22).

№ 22

Берлинскому художнику Францу Крюгеру за отлично написанный портрет Николай I велел подарить золотые часы, усыпанные бриллиантами.

Однако чиновники дворцового ведомства принесли Крюгеру золотые часы, на которых не было ни одного бриллианта.

Вскоре каким-то образом Николай узнал о самочинстве своих сановников.

При встрече император сказал художнику:

— Видите, как меня обкрадывают! Но если бы я захотел по закону наказать всех воров моей империи, для этого мало было бы всей Сибири, а Россия превратилась бы в такую же пустыню, как Сибирь [13, с. 7].

В этом анекдоте, также как и в анекдоте № 21 император высказывает мысль, что в России воруют практически все, за исключением его самого да еще немногих людей. И сделать при этом ничего невозможно — всех не пересажаешь. Получается, что бороться с воровством, значит, бороться с собственным народом. А с народом (и это Николай I прекрасно понимает) бороться невозможно.

Хронорядом настоящего исследования является период «Великих реформ» Александра II. Общеизвестным является факт, что реформы 60-70-х гг. XIX в., в том числе и судебная реформа 1864 г., значительным образом изменили Россию. Реформы Александра II привели к трансформации не только социального и экономического строя страны, но и оказали серьезное воздействие на менталитет и правосознание российских подданных.

Именно в этот период и появляется юридический анекдот как массовое фольклорное явление. До нас дошли десятки дореволюционных анекдотов, посвященных судебной тематике. Их анализ позволяет выявить отношение к суду и правосудию поданных Российской империи во второй половине XIX века.

Сам факт существования комплекса анекдотов, где речь идет о суде, судьях, процессах, свидетельствует, что в правосознании населения этот государственный орган стал отражаться несколько по-иному, нежели это было до реформы 1864 г. Суд стал восприниматься не как экстраординарное (причем со знаком «минус»), а как нормальное явление, часть общественной жизни.

В результате судебной реформы суд стал всесословным, население получило доступ к правосудию, а именно: за восстановлением справедливости, защиты своих нарушенных прав; в качестве присяжных заседателей и, наконец, просто как зрители — процессы стали открытыми, публичными, гласными, нередко они находили отражение и на страницах периодической печати.

Юридический анекдот дает нам возможность увидеть, что в правосознании российских подданных происходит перелом.

Во-первых, в правосознание входит знание о суде, а также о формах суда, состязательности уголовного и гражданского процесса. Сохранились дореволюционные анекдоты, посвященные мировому суду и суду присяжных. Во многих анекдотах четко прослеживаются такие принципы судебной реформы 1864 г. как доступность правосудия, всесословность, публичность судоговорения и состязательность сторон. В ряде историй главными персонажами являются представители адвокатуры и прокуратуры. Адвокатура, кстати, появилась в России только в результате судебной реформы, а прокуратура была

значительно трансформирована.

Во-вторых, меняется отношение к суду. От общенегативного оно переходит в дифференцированное — правосознание отразило и негативные и, что является новым, позитивные моменты в функционировании института судебной власти.

Следует отметить, что знания, нашедшие отражения в анекдотах о суде были как истинными, так и ошибочными, также нередко они были далеко неполными.

Например, в анекдотах отразились сведения о наличии «общих судебных мест» и мировых судов. В реальности «общие судебные места» состояли из окружных судов (гражданское судопроизводство осуществлялось здесь исключительно коронными, профессиональными судьями, а уголовное производство — как коронными судьями, так и судом с участием присяжных заседателей), судебных палат (судопроизводство осуществлялось как коронными судьями, так и судом с участием сословных представителей, в редких случаях — судом присяжных) и кассационных департаментов Сената. На уровне правосознания отражение нашла лишь первая судебная инстанция — окружные суды. Так, некоторые анекдоты начинаются фразой: «В окружном суде разбирается дело мальчика, обвиненного в краже ...» (анекдот № 23) или «Член окружного суда ...» (анекдот № 24).

№ 23

В окружном суде разбирается дело мальчика, обвиненного в краже. Благодаря блестящей речи назначенного ему защитника, он был оправдан. Когда зрители по окончании суда расходились, один деревенский простак разговорился со сторожем и высказал ему такое мнение об этом деле: «Мне еще не удивительно, что они оправдали мальчика, но вот никак не могу понять, как они позволили спокойно уйти этому старому ловкому плуту, который так за него заступался» [14, с. 31].

№ 24

Член окружного суда М. был не только хороший юрист, но и талантливый рисовальщик. Присутствуя при разборе уголовных дел, он в свободные минуты любил набрасывать карикатурные изображения подсудимых, свидетелей и т. п., и рисунки всегда были очень удачны. Раз по рассеянности он нарисовал карикатурную фигуру на свободном поле лежавшего перед ним дела, забыл потом стереть резинкой эту фигурку, и дело вместе с ней было отослано в судебную палату.

Здесь прокурором был некий педант, который, просматривая дело и увидав фигуруку, воспыпал гневом и немедленно послал дело обратно с запросом: что означает упомянутая фигура?

Получив дело и запрос, член суда не мог не рассмеяться над этим пассажем и затем отложил дело в сторону. Несколько времени спустя — новое требование прислать дело и объяснение того, что означала фигура, нарисованная на поле.

Нужно было отвечать. М. достал дело, полюбовался на карикатурную фигурку и потом старательно стер ее резинкой. Затем он послал обратно дело и следующее объяснение: «Что касается фигуры, упомянутой два раза г-ном прокурором, то, несмотря на тщательные поиски, в деле она не могла быть найдена».

Нового запроса после этого не последовало [14, с. 17-18].

Таким образом, из анекдотов мы получаем прямое подтверждение тому, что их рассказчики знали о существовании окружных судов. Однако пореформенных анекдотов, где упоминались бы судебные палаты и Сенат нами не обнаружено. Интересно, что в дореформенных анекдотах речь о Сенате идет не так уж и редко (см., например, анекдоты № 4, 5, 10, 11). Дело в том, что в то время, истории, идентифицируемые как анекдоты, имели хождение в высших слоях общества, многие представители которого нередко сами по делам бывали в Сенате. А в пореформенный период анекдоты циркулировали в широкой городской среде, основной массе которой до Сената, по большому счету, не было никакого дела.

В некоторых анекдотах, как мы уже говорили ранее, содержатся фактические ошибки. Приведем один¹ наиболее яркий пример — анекдот № 25.

¹ Подробнее о фактических ошибках, содержащихся в анекдотах второй половины XIX — начала XX в. [15, с. 30-31].

№ 25

Старушка украла жестяной чайник стоимостью дешевле пятидесяти копеек. Она была потомственная почетная гражданка и, как лицо привилегированного сословия, подлежала суду присяжных. Защитником старушки выступил Плевако. Прокурор решил заранее парализовать влияние защитительной речи Плевако и сам высказал все, что можно было сказать в защиту старушки: «Бедная старушка, горькая нужда, кража незначительная, подсудимая вызывает не негодование, а только жалость. Но — собственность священна, все наше гражданское благоустройство держится на собственности, если мы позволим людям потрясать ее, то страна погибнет.

Поднялся Плевако:

— Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России за ее больше чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки. Двунадесять языков обрушились на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь ... Старушка украла старый чайник ценю в тридцать копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно.

Присяжные оправдали подсудимую [16, с. 118-119].

Хотя приведенная история касается суда присяжных, о котором речь пойдет позже, считаем целесообразным рассмотреть этот вопрос именно сейчас, т.к. по большому счету здесь характерно высвечиваются пробелы в знаниях населения о суде вообще.

В анекдоте № 25 содержится серьезная фактическая ошибка, носящая, с точки зрения правосудия, принципиальный характер: в нем указывается, что подсудимая являвшаяся потомственной почетной гражданкой «как лицо привилегированного сословия, подлежала суду присяжных». Дело в том, что Судебные уставы 1864 г. вводили в качестве одного из основных принципов бессловесности (или всесловесности) суда. Рассмотрение дела с участием присяжных заседателей не было привилегией какой-либо социальной группы. Если человек совершил преступление, за которое по закону полагалось наказание, связанное с ограничением или лишением прав состояния, то он в обязательном порядке (независимо от собственного желания или социального положения) попадал под юрисдикцию суда присяжных.

До нас дошли и анекдоты, отражающие рутинную сторону работы судей (№ 26 и 27).

№ 26

Председатель суда рассеянно: «Трофимов, вердиктом присяжных вы оправданы от возведенного на вас обвинения и теперь свободны. Если вы недовольны приговором, то должны заявить об этом в двухнедельный срок» [14, с. 29].

№ 27

Рассеянный председатель суда: «Присяжные признали, что подсудимый в краже невинован и, следовательно, не подлежит наказанию и уплате судебных издержек. Обвиняемый, вы свободны, идите домой и не делайте этого никогда больше» [14, с. 29].

Оба анекдота построены на оговорках председателя суда (не зря в обоих случаях отмечается его рассеянность). По нашему мнению, в этих оговорках нет ничего удивительного, так как в ситуации, когда за один день судья рассматривает несколько дел (этим и объясняется уже упоминавшаяся рассеянность), закончившихся обвинением, при вынесении по следующему делу оправдательного вердикта присяжных, он повторяет шаблонную фразу, произнесенную за день уже неоднократно. Исходя из сказанного, оговорки такого рода должны были происходить не так уж и редко.

Рассеянность судьи отмечается и в ранее уже приводившемся анекдоте № 24. Только проявляется она не в оговорках, а в том, что судья окружного суда нарисовал карандашом рисунок на полях дела и не стер его. Правда, данный анекдот свидетельствует и о некоторой легкомысленности в отношении судьи к своим непосредственным обязанностям. В то же время в истории делается акцент не на этом, а на художественных способностях члена окружного суда и его остроумии.

Судья — живой человек, а не бездушная машина, и ему могут быть свойственны эмоции. В том числе и эмоции негативные. Так, в анекдоте № 28 судья грубо высказывается в адрес адвоката, указавшего в документе только свою фамилию без имени.

№ 28

Молодой и юркий помощник присяжного поверенного, представляя доверенность, забыл назвать в ней, как принято, свое имя, ограничившись только фамилией.

Судья прочел доверенность и сделал грубое замечание:

— А имя Ваше где же? Вы знаете, чай, что овца без имени — баран.

— Да, я это знаю, — вспыхнул оскорбленный адвокат, — и знаю также, что и судья без вежливости — болван.

— Вот это ловко! И под рифму! — воскликнул, хохоча, судья. — Хвалю и не обижаюсь. Господин поверенный, продолжайте ваше дело [14, с. 34].

Однако, получив остроумный ответ адвоката, судья признает, что он не прав. Это, кстати, достоинство пореформенных судей, способных, в отличие от своих дореформенных коллег, признавать свои ошибки.

Судья может впасть и в праведный гнев, например, в качестве реакции на цинизм адвоката (анекдот № 29).

№ 29

Плевако имел привычку начинать свою речь в суде фразой: «А ведь могло быть и хуже». И какое бы дело не попадало адвокату, он не изменял своей фразе. Однажды Плевако взялся защищать человека, изнасиловавшего свою дочь. Зал был набит битком, все ждали, с чего начнет адвокат свою защитительную речь. Неужели с любимой фразой? Невероятно, но Плевако встал и хладнокровно произнес: «Господа, а ведь могло быть и хуже...». И тут не выдержал сам судья. «Что, — вскричал он, — скажите, что может быть хуже этой мерзости?» «Ваша честь, — спросил Плевако, — а если бы он изнасиловал Вашу дочь?» [14, с. 37].

Судья может ошибаться. В том числе и при вынесении решений. Даже сами подсудимые при этом высказывают удивление, что их оправдали (анекдоты № 30 и 31).

№ 30

Председатель суда:

— Суд нашел, что подсудимый невинован в краже золотых часов и потому наказанию не подлежит».

Оправданный (на ухо своему адвокату):

— Господин защитник, что же, можно мне их теперь носить? [14, с. 30]

№ 31

Оправданный своему защитнику: «Благодарю Вас, благодарю за прекрасную Вашу защиту; я сам даже не думал до сих пор, что я так невинен» [14, с. 29].

Следует обратить внимание, что в обеих приведенных выше историях у рассказчиков анекдотов нет сомнения, что речь идет именно о случайной ошибке, а не о коррумпированности судьи.

Вообще, честность — важнейшая черта, которой должны обладать лица, осуществляющие правосудие. И наличие такой черты у пореформенных судей находит подтверждение в анекдотах. Например, в анекдоте № 40 прямо говорится, что «председатель суда — сама честность».

№ 32

— Ну, что Ваш процесс с X?

— Выигран, милый друг, и очень простым средством. Как Вам известно, председатель суда — сама честность. Утром того дня, когда должны были произнести приговор, я послал ему в письме билет в две тысячи рублей.

— Но ведь это могло все испортить.

— Конечно, поэтому я и подписал письмо именем противника [14, с. 19].

Представления о суде и судьях вообще конкретизировались в анекдотах о мировых судьях и присяжных заседателях. К сожалению, ограниченность объема данного

исследования не позволяет нам подробно рассмотреть этот вопрос. Тем не менее, отметим, что в результате изучения анекдотов, посвященных данной тематике, складывается следующий образ мирового судьи: это судья для народа, он близок к народу и способен решить практически любое дело; он справедлив, беспристрастен и объективен; стремится завершить дело миром. Но при этом мировой судья — нормальный человек, которому свойственны различные качества (например, ироничность, остроумие) и эмоции (например, недоумение, возмущение поведением других лиц) [17; 18; 19].

Среди анекдотов о мировых судах нет ни одного, где бы судья предстал в отрицательном свете. Это свидетельствует о наличии позитивного образа мирового судьи в правосознании дореволюционного населения России.

Несколько иное впечатление создается при анализе анекдотов, в которых фигурируют присяжные заседатели. Складывается впечатление, что отношение к «судьям общественной совести» довольно пренебрежительное. Присяжные заседатели воспринимаются как люди некомпетентные, не очень умные, и которых хороший адвокат может легко запутать хитросплетением слов. Тем не менее, у рассказчиков анекдотов нет сомнения, что присяжные заседатели — честные люди [20; 21, с. 55-66].

Подводя итоги нашей работы, можно сделать следующие выводы.

Судя по пословицам, поговоркам и анекдотам XVIII — первой половины XIX в. в исследуемый период правосознание населения России имело монархический характер. При общем негативном отношении к суду, судебной власти, да и государственной власти вообще, монарх воспринимался подданными в качестве высшей земной инстанции. Несмотря на личностные особенности различных российских правителей, проводимую ими внутреннюю и внешнюю политику, народ видел в них оплот справедливости, последнюю надежду на то, что правда восторжествует.

В сознании населения «добрый царь» априори справедлив и милосерден. Даже когда осужденный действительно виновен, правитель может (и в некоторых случаях должен) быть к нему снисходительным.

Восприятие монарха как «отца» (если говорить о Екатерине II — «матери») народа требовало от него терпимости к своим «детям». Это касалось и тех случаев, когда «неразумные» подданные наносили оскорбление правителю. Император в общественном сознании воспринимался как человек, стоящий выше личных оскорблений.

Одной из особенностей российского правосознания изучаемого периода является то, что царь в народных представлениях, зафиксированных в анекдотах, стоит выше законов, он может их нарушить, но должен это делать только в том случае, если желает оказать «милость» своему подданному. В противном случае произвол недопустим.

Анекдот как исторический источник достаточно ярко отразил еще одну специфическую черту российского правосознания (начиная от простых людей и заканчивая монархом) — отношение к воровству как к обыденному, практически нормальному явлению жизни. Российские императоры XVIII — первой половины XIX в. знали про остро стоящую проблему воровства в стране, однако воспринимали ее как проявление особенностей национальной психологии своих подданных (а бороться с народом — невозможно и бессмысленно), ставшее, к сожалению, элементом повседневной жизни разных слоев общества.

В зависимости от половой принадлежности российские правители по-разному реагировали на воровство. Так, Екатерина II предпочитала выступать в качестве доброй матушки-императрицы, ограничиваясь в редких случаях беззлобным «Чтобы это было в последний раз!» и, предпринимая какие-то действия лишь тогда, когда речь заходила о «женских штучках». При этом не совсем ясно, волновала ли Екатерину ситуация с массовым воровством в стране в целом. Напротив, Петр I и Николай I прекрасно осознавали всю сложность проблемы, но ничего, также как и Екатерина II, не могли сделать. Такая «слабость» высшей власти осознавалась рассказчиками и слушателями анекдотов, однако ставилась ей, скорее, в заслугу, нежели характеризовала с негативной стороны.

Анализ комплекса анекдотов второй половины XIX — начала XX в. приводит к выводу, что в пореформенном правосознании подданных Российской империи произошли

серьезные изменения. Это касается и судебных органов. После 1864 года суд стал восприниматься не столько как репрессивный орган, сколько как структура, способствующая защите прав личности. Знания о суде вошли в систему правовых знаний и представлений россиян. Кроме того, изменился и сам образ суда в правосознании населения. Отношение к нему перешло от негативного к нейтральному или даже положительному. Судья стал восприниматься не в качестве винтика бездушной машины правосудия или взяточника и корыстолюбца, а как живой человек, выполняющий важную общественную функцию. Судья может ошибиться, но в этой ошибке не может быть злого умысла, т.к. главная черта пореформенного судьи — честность.

Список использованных источников

1. *Иллюстров, И. А. Юридические пословицы и поговорки русского народа [Текст] / И. А. Иллюстров. — М. : Тип. В. В. Чичерина, 1885. — 80 с.*
2. *Кривошлык, М. Г. Исторические анекдоты из жизни русских замечательных людей: с портретами и краткими биографиями [Текст] / М. Г. Кривошлык. — М. : АНС-Принт, 1991. — 144 с.*
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.nlr.ru/e-res/law_r/descript.html.
4. Исторические анекдоты из жизни русских государей, государственных и общественных деятелей прошлого и настоящего [Текст] / сост. под ред. М. Шевлякова. — СПб. : Дубинский, 1898. — 328 с.
5. Исторические анекдоты из жизни русских государей [Текст]. — СПб. : Тип. А. А. Хана, 1880. — 111 с.
6. Антология юридического анекдота [Текст] / сост. В. М. Баранов, П. П. Баранов, В. В. Гриб, В. И. Каныгин. — [3-е изд., перераб и доп.]. — М. ; Н. Новгород, 2007. — 754 с.
7. *Бантыш-Каменский, Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли [Текст] / Д. Н. Бантыш-Каменский. — СПб., 1847. — Ч. 3. — 4, 390, VI с.*
8. *Вейдемайер, А. И. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия [Текст] / А. И. Вейдемайер. — СПб. Эйнерлинг, 1846. — Ч. 2. — 765 с.*
9. Новое собрание русских анекдотов или прибавление к пяти частям русских анекдотов, изданных Сергеем Глинкою [Текст]. — М., 1829. — 250 с.
10. Подлинные анекдоты Екатерины Великой [Текст]. — М., 1806. — 140 с.
11. Черты из жизни Екатерины II (Собрano M. E. Lobanovym) [Текст] // Древняя и новая Россия. — 1879. — Т. 1. — С. 66-71.
12. *Бутковская, А. Я. Рассказы бабушки [Текст] / А. Я. Бутковская // Исторический вестник. — 1884. — Т. XVIII. — С. 594-631.*
13. Исторические анекдоты из русской жизни [Текст]. — М. : Захаров, 2004. — 464 с.
14. Антология юридического анекдота [Текст] / сост. В. М. Баранов, П. П. Баранов, З. Ш. Идрисов. — [2-е изд.]. — Н. Новгород, 2001. — 745 с.
15. *Демичев, А. А. Образ суда в дореволюционном российском анекдоте [Текст] : [монограф.] / А. А. Демичев. — Нижний Новгород : НФ МГЭИ, КиТиздат, 2007. — 104 с.*
16. *Вересаев, В. В. Собр. соч. [Текст] : [в 4-х т.] / В. В. Вересаев. — М. : Правда, 1985. — Т. 4. Невыдуманные рассказы о прошлом. — 495 с. : цв. ил. (Библиотека «Огонек». Отечественная классика)*
17. *Демичев, А. А. Образ мирового судьи в дореволюционном юридическом анекдоте [Текст] / А. А. Демичев // Мировой судья. — 2007. — № 3. — С. 28-31.*
18. *Демичев, А. А. Дореволюционный юридический анекдот как источник изучения мирового суда [Текст] / А. А. Демичев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. — Серия «История, политология, экономика». — 2008. — № 2. — Вып. 6. — С. 66-74.*
19. *Демичев, А. А. Мировой судья А. И. Трофимов в дореволюционном юридическом анекдоте [Текст] / А. А. Демичев // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2008. — № 5. — С. 427-430.*
20. *Демичев, А. А. Дореволюционный анекдот как источник изучения российского суда присяжных [Текст] / А. А. Демичев // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2006. — № 6. — С. 143-149.*
21. *Демичев, А. А. История суда присяжных в дореволюционной России (1864-1917 гг.) [Текст] : [монограф.] / А. А. Демичев. — М. : Юрлитинформ, 2007. — 320 с.*

Демічев А. А. Поняття “закон” та “справедливість” у російській правосвідомості XVIII — початку ХХ ст.

На основі вивчення комплексу історичних анекдотів реконструюється сприйняття населенням Російської імперії понять “закон” та “справедливість”. Аналізуються такі риси російської правосвідомості як монархічний характер, ставлення до крадіжок як елементу повсякденного життя; розглядаються зміни, які відбулися у правосвідомості, після судової реформи 1864 р.

Ключові слова: правосвідомість, закон, справедливість, суд, анекдот.

Demichev, A. A. The Concept of “Law” and “Justice” in the Russian Legal Awareness of XVIII — early XX Centuries

The article based on a study of the complex historical anecdotes reconstructed the public perception of the Russian Empire, the terms “law” and “justice”. Analyzed traits such as justice of the Russian monarchy in nature, relating to theft as an element of everyday life, consider changes in the sense of justice, judicial reform after 1864.

Key words: legal awareness, law, justice, court, anecdote.

